

СЛОВО О ДРУГЕ

Я. Липкович

К. Коноплицкий

Фото военных лет

Всякий раз, когда я перечитываю «Василия Теркина», я вспоминаю своего фронтового друга Кирилла Коноплицкого, хотя, на первый взгляд, между литературным героем и живым человеком, которого я знал и любил, общего не так уж много. И жизненные судьбы у них разные, и внешне они не похожи. И все же в основном они необыкновенно близки друг другу. Точно сводные братья, которые вымахали под одним небом, закалились на одних ветрах и в один день и час вышли на смертный бой против общего врага.

Того и другого невозможно было ни утратить, ни согнуть, ни убить...

Войну Кирилл начал механиком-водителем танка. Командовать танком он стал потом, после окончания училища.

В сражении под Москвой его танк БТ-7 завязал неравный бой с фашистскими танками и два из них подбил, а третий обратил в бегство, а потом еще уничтожил четыре бронемшины и орудие. В этом бою Кирилла ранило. Он вернулся в строй, когда началась Сталинградская битва. Был эпизод, когда тяжелый танк Кирилла стоял на Мамаевом кургане, как раз там, где сейчас возвышается скульптурная фигура Матери-Родины, и в упор бил по наседавшим гитлеровцам. На Курской дуге его танк прорвался к штабу фашистской дивизии, разгромил его и благополучно доставил командованию важные документы, в том числе карты минных полей.

Только за два года войны Кирилл лично подбил тридцать пять танков, самоходных орудий и бронетранспортеров. А если к этому добавить вражеские машины, выведенные из строя танками его роты, то получится целое кладбище покореженной и сожженной вражеской техники.

Жизнь Кирилла постоянно висела на волоске. Вокруг падали бомбы, рвались мины и снаряды, свистели пули. Кирилл вместе с мотострелками ходил в атаку и дрался врукопашную. Погибали боевые друзья. В жестоких танковых боях он сменил семь машин.

Но смерть все обходила его стороной. Он поражал врачей своей нечеловеческой живучестью. Однажды его привезли в армейский госпиталь — без сознания, парализованного. Он долго и мучительно умирал. И все-таки что-то настаивало и смущало врачей, наблюдавших за этой напряженной и упорной борьбой со смертью. Кирилла отправили самолетом в Москву. По дороге самолет был атакован фашистским «мессершмитом» и с трудом ушел от преследования. На московском аэро-

Рисунок А. Аземши

дроме медицинская сестра решила, что Кирилл мертв. Его на носилках положили в пустой холодной комнате. Через несколько часов туда пришел врач, чтобы официально установить смерть. Он взялся за безжизненную руку и неожиданно уловил еле заметные толчки пульса. Кирилла немедленно доставили в клинику. Три месяца он не двигался, не говорил, не слышал, не видел. И все-таки смерти пришлось отступить. Вскоре Кирилл уже передвигался самостоятельно. О нем писали в медицинских статьях, его показывали студентам-медикам.

Когда через год после этой тяжелой контузии Кирилл вернулся в часть, друзья подарили ему стальное кольцо с надписью на внутренней стороне: «Прохоровка, 1943». Кольцо выточили из брони фашистской «пантеры», подбитой Кириллом на Курской дуге. Но этот подарок оказался прощальным. Врачи запретили Кириллу воевать в танке.

С танковыми частями Кирилл, однако, не расстался. Его назначили начальником разведки танковой бригады. Это была не меньшая ответственность и не меньшая опасность. Талантливый танкист оказался талантливым разведчиком.

Невозможно припомнить случая, чтобы Кирилл не выполнил боевого задания, не добыл «языка».

Помню день 16 января 1945 года. Наша танковая бригада освободила старинный польский город Ченстохов. Первым в него ворвался батальон дважды Героя Советского Союза Семена Хохрякова. Пока танки с боем пробивались к центру города, разведчики Кирилла на трофейных бронетранспортерах проскочили по боковым улочкам на западную окраину. Там они взорвали железнодорожное полотно перед готовыми к отправке фашистскими эшелонами с танками и боеприпасами. Майор Коноплицкий со спокойным и деловым видом направился к группе вооруженных до зубов гитлеровцев. Столпившись у вагонов, они напряженно ждали. Их намерения были неясны. Они могли и начать сдаваться, и открыть огонь. Похоже, что на них больше всего подействовало спокойствие советского офицера. Я видел, как Кирилл все ближе подходил к фашистам. И вот на шпалы полетел первый автомат, а за ним загремели о рельсы и другие.

Через несколько дней разведчики совершили ошеломляющий рейд по глубоким тылам врага. Вот что об этом говорится в наградном листе на Кирилла Коноплицкого:

«22 января 1945 года, непосредственно руководя разведдозором, товарищ Коноплицкий проскочил в город Грошовиц на реке Одер и перебил охрану шлюза, имевшую задачу взорвать его и тем самым воспрепятствовать переправе советских войск на ту сторону. Оставив охрану у шлюза, он с небольшой группой разведчиков быстро переправился по льду на западный берег Одера и удерживал плацдарм до прихода главных сил бригады».

В этих немногих строках говорится лишь об итогах рейда. Остались за пределами документа и семидесятикилометровый марш по вражеской земле; и разгром двух фашистских колонн, и захват нескольких «языков», которые и рассказали о том, что готовится взрыв шлюза. Если бы шлюз был взорван, вся округа оказалась бы под водой и форсировать Одер на этом участке, в ледяной каше, было бы невозможно.

Когда Кирилл со своими разведчиками ступил на лед реки, фашисты открыли ураганный огонь из орудий и минометов. Лед был разбит. Разведчики под обстрелом перепрыгивали с одной льдины на другую. Несколько человек погибло, но остальные бросились в атаку и захватили первые метры промерзлого берега. Потом они отбивали танковые атаки. В последний момент подоспела помощь.

Таких эпизодов в жизни Кирилла было много. Последний раз я видел Коноплицкого под Берлином. Там он был снова контужен...

А в прошлом году вышла моя книга военных повестей и рассказов. И вдруг — письмо из Калининна. Фамилия на конверте неразборчива. Раскрываю конверт, читаю:

«Дорогой мой фронтовой друг! Ты не представляешь себе, как радостно находить товарищей по фронту. Снова все восстанавливается в памяти — и тяжелое, и светлое...»

Подпись — Кирилл Коноплицкий!

Через несколько дней я был в Калининне. Меня встретил Кирилл — постаревший, но все такой же рыцарственный. Тот же внимательный взгляд. Та же быстрая походка. Та же манера уважительно слушать собеседника.

Я смотрел на героя своей юности и с необыкновенной легкостью вспоминал фронтовые дни. Я ничего не забыл. Конечно, этому помогло мальчишеское обожание, с которым я относился тогда к Кириллу. Когда на фронте он обращался ко мне, я был самым счастливым человеком на свете. Будто орден получал из его рук.

Дни ноябрьского праздника я провел у Кирилла. Он все время звонил по телефону строителям, по вине которых задерживалась сдача объекта — цеха минеральных удобрений.

В промежутках между звонками мы вспоминали друзей и боевые эпизоды.

То и дело почтальон приносил поздравительные телеграммы. Приходили товарищи Кирилла по работе, знакомые, родственники. Как на фронте тридцать лет назад, моего друга окружали всеобщая любовь и уважение.

И так было всегда. Через всю жизнь Кирилла протянулась золотая цепочка человеческих привязанностей. За ним ходили по пятам мальчишки в годы его детдомовского детства. Ему до конца доверял в бою его гвардейский экипаж — Белинский, Мамонов, Пиляй, Черевач. Во время атаки политрук роты, тульский рабочий Федор Иванович Люлин, выскочил из укрытия и пошел за танком Кирилла — так за него волновался и хотел уберечь от гибели. А лейтенант Удовиченко прикрыв Кирилла своей грудью и погиб этой самой прекрасной из смертей. Вот и сейчас по нему равняются, видя в нем высокий человеческий образец, товарищи по работе.

Да что говорить о других, когда и я сам, видевший за свои полвека несчетное множество людей, отвел тебе, дружище, место в своем сердце — и ни разу не пожалел об этом...

Антонина Ивановна Свотина,

во время войны боец части противовоздушной обороны, минер

В шесть утра 9-го мая я услышала сообщение по радио: война закончилась полной победой над фашистами.

Я быстренько собралась, взяла сына Володьку из детского дома, где он у меня был почти всю войну, пока я служила. И провели мы с ним целый день вместе, первый день за четыре года.

Рассказывала я сыну о том, что делала во время войны, вспоминала, как в 1944 году в

какой-то деревушке, когда фашисты отступали, а мы шли с нашими частями и разминировали поля, нашли огромную неразорвавшуюся бомбу. Была я тогда командиром отделения. Взяла с собой двух солдат, девушек. Прихватили веревки метров 50. На конце ее — кошка. Зацепили бомбу кошкой и потащили потихонечку в поле, подальше от деревни. А бомба тяжелая, килограммов 100, по ровному месту тащится плавно, а как за кочку зацепится, приходится подходить и сдвигать ее с места.

Минные поля, которые немцы после себя оставляли, легче было разминировать — у них мины всегда в строгом порядке были расположены, две-три найдешь и примерно

знаешь, где остальные. Искали мы их миноискателями, щупами. А еще собаки нам помогали. Маленькие такие, лохматенькие. Вот бежит она по полю, потом сядет и залает, значит, тут противотанковая зарыта.

А еще рассказывала я сыну о том, как мы город Пушкин разминировали. Весь передний край, когда фашистов отогнали, оградил колючей проволокой, а боеприпасы из сожженных домов выносили, складывали и подрывали.

Недавно мы с Володей снова ездили в Пушкин. Вошли в Екатерининский дворец. А там на стене большая фотография города и дворца, снятая в те дни, когда мы этот город разминировали. Так я экскурсовода и не слышала...

